

ТАЯ ГОРДЕЛИС

БЕСПЛОДНАЯ
ЖЕНА ДРАКОНА
ИЗМЕНИЛ?
РАЗВОД!

18+

Тая Горделис

**Бесплодная жена дракона.
Изменил? Развод!**

«Автор»

2026

Горделис Т.

Бесплодная жена дракона. Изменил? Развод! / Т. Горделис —
«Автор», 2026

— Я подаю на развод. — Нет. — Я застала тебя с другой! — Я всё исправлю!
— Конечно. Подпишешь бумаги и исчезнешь из моей жизни! Дракон рычит,
что я его истинная и он меня не отпустит. Зря. Восемь лет я не могла
подарить Владыке наследника. Зато развод подарю с удовольствием!

© Горделис Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Тая Горделис
Бесплодная жена дракона.
Изменил? Развод!

От автора

Иногда даже Владыке драконов полезно получить развод...

Глава 1

Настины губы скользнули ниже живота, и Алан сжал пальцы на простыне. Дракон сразу подался к ней из глубины, потянулся к знакомому запаху, толкнул по крови горячую волну. Тело отозвалось медленнее, чем должно было.

Она не заметила. Или сделала вид, что не заметила. Светлые волосы рассыпались по его бёдрам, щекотали кожу, и Алан собрал их в кулак, открывая лицо жены. Настя подняла глаза. Серо-голубые, потемневшие от желания, они всегда действовали на него сильнее любых ласк.

Раньше действовали.

Он отбросил эту мысль и провёл большим пальцем по её нижней губе. Настя поцеловала подушечку, не отводя взгляда, а потом снова наклонилась. Горячий рот принял его глубже. Алан шумно выдохнул и погладил её по затылку, не заставляя, только задавая ритм, который она прекрасно знала.

Дракон заворочался под рёбрами, недовольный слабостью носителя. Его жар прошёл по позвоночнику и осел в паху. Эрекция стала крепче, но Алан слишком хорошо чувствовал, какая часть возбуждения принадлежит ему, а какую буквально вталкивает в кровь зверь.

Настя ласкала его без спешки. Языком, губами, ладонью. Восемь лет брака научили её замечать малейшую перемену в его дыхании, однако сегодня она старалась сильнее обычного. И это раздражало. Алан не хотел думать, почему жена решила устроить эту ночь именно сейчас, после очередного бесполезного обследования и ужина, за которым Тимур опять заговорил о наследнике.

— Иди сюда, — хрипло произнёс он.

Настя отпустила его и поднялась. На губах блестела влага, щёки покраснелись. Тонкая ночная сорочка давно лежала на полу возле кровати, и Алан видел женщину целиком: полную грудь, мягкий живот, светлую полоску на бедре, оставшуюся после неудачного падения в детстве. Он знал каждую отметину и каждый изгиб. Когда-то одного взгляда хватало, чтобы потерять остатки терпения.

Теперь взгляд задержался на ней, а желания не прибавилось. Дракон снова толкнулся изнутри, требуя взять истинную, прижать к постели и напомнить обоим, кому она принадлежит. Алан подавил рычание. Настя не любила, когда зверь слишком явно вмешивался в близость вне обращения.

Он обхватил жену за талию и легко потянул наверх. Она легла рядом, но Алан сразу перевернул её на спину. Настя улыбнулась, закинула руки ему на шею и сама потянулась за поцелуем.

Её рот был горячим, мягким и знакомым. Алан целовал глубоко, ощущал на её языке вкус себя и ждал, когда тело наконец перестанет нуждаться в помощи дракона. Настя прижалась к нему грудью, провела ладонями по плечам и медленно опустила их вдоль спины. Ногти царапнули поясницу.

Внутри коротко вспыхнуло. Он сильнее вдавил её в матрас и вошёл коленом между раздвинувшихся бёдер. Настя тихо застонала ему в губы, качнулась навстречу. В этом звуке не было ни просьбы, ни осторожности. Она хотела мужа и не скрывала этого.

Алан спустился к её шее. Здесь запах истинной ощущался ярче: тёплая кожа, немного сладкий крем и особая нота, которую невозможно было назвать человеческим словом. Раньше от неё зверь сходил с ума. Сегодня дракон тоже тянулся к Насте, однако между ними словно висела плотная ткань. Жар пробивался через неё толчками и быстро слабел.

— Алан...

Он прикусил кожу под ухом. Настя запрокинула голову и открыла шею, доверчиво, без тени страха. Под тонкой светлой кожей часто бился пульс, и Алан провёл по этому месту языком.

— Что? — спросил он, хотя прекрасно понимал.

— Не останавливайся.

Он и не собирался. Если тело упрямылось, у него оставались руки и рот. Алан слишком хорошо знал жену, чтобы зависеть только от собственного возбуждения.

Он накрыл ладонью её грудь, сжал тяжесть, провёл большим пальцем по напрягшемуся соску. Настя выгнулась и потёрлась бедром о его пах. Эрекция держалась, но это движение почти ничего не добавило. Алан почувствовал злость и тут же направил её в ласку: взял сосок губами, втянул, прошёлся языком. Потом переместился ко второй груди, не позволяя жене привыкнуть к ритму.

Настя дышала часто, пальцы зарылись в его волосы. Она больше не пыталась вести и отдалась ему так, как делала прежде. Алан двигался ниже, целовал мягкий живот, внутреннюю сторону бедра. Жена развела ноги ещё шире.

Она была готова принять его. Влажная, горячая, дрожащая от ожидания. Он провёл пальцами между складок, раздвинул их и надавил там, где ей нравилось. Настя всхлипнула, приподняла бёдра, но Алан удержал её большой ладонью.

— Лежи.

— Я лежу.

— Плохо лежишь.

Она засмеялась, и этот звук ударил неожиданно сильно. Так Настя смеялась раньше, когда между ними ещё не стояли календари, обследования и разговоры о долге Владыки. Алан поднял глаза. Жена смотрела на него без тревоги, и на мгновение всё стало почти прежним.

Он наклонился и провёл языком по влажной плоти. Настя ахнула, смех оборвался. Её ладонь легла ему на затылок, а ноги напряглись по обе стороны от плеч.

Алан ласкал медленно и точно. Знал, когда добавить нажим, когда отступить, где задержаться губами. Ввёл в неё палец, затем второй, почувствовал, как тело жены сжимается вокруг них. Настя застонала громче и попыталась качнуться навстречу, но он снова прижал её бёдра к постели.

— Не мучай, — выдохнула она.

— Я и не начал.

Настя потянула его за волосы, и Алан всё-таки позволил ей двигаться. Он ускорил ласки, подстроился под её дыхание. Дракон жадно впитывал запах истинной и усиливал ощущения носителя, однако желание по-прежнему шло словно издалека. Страх Алан загнал поглубже и не позволил ему испортить жене удовольствие.

Настя не видела его лица. Алан закрыл глаза и сосредоточился на ней: на дрожи бёдер, на тихих стогах, на пальцах, сжимающих волосы. Он хотел довести жену до разрядки, услышать, как она выкрикивает его имя, и хотя бы этим доказать, что между ними ничего не сломалось окончательно.

Её тело напряглось. Настя замерла на один удар сердца, а потом задрожала под ним. Алан продолжал ласкать, пока она не оттолкнула его голову и не попросила остановиться.

Он поднялся к ней. Губы и подбородок были мокрыми; Настя провела по ним ладонью и потянула мужа к себе. Поцеловала медленно, без прежней жадности, ещё не отдышавшись после оргазма.

— Теперь ты, — прошептала она.

Алан лёг на спину. Настя устроилась сверху, провела влажной ладонью по его плоти и направила её в себя. Он придержал её за бёдра, помогая опуститься до конца. Тесное горячее

тело обхватило его, дракон рванулся навстречу истинной, и на несколько секунд возбуждение стало настоящим, острым, почти болезненным.

Настя прикрыла глаза. Светлые волосы закрыли грудь, губы приоткрылись. Она начала двигаться медленно, глубоко принимая его при каждом опускании. Алан сжал её ягодицы и повёл вверх, заставляя ускориться.

— Смотри на меня.

Она открыла глаза. В них ещё стояло удовольствие, и Алан увидел там себя: тёмные волосы растрепались, челюсти сжаты, в зрачках проступил янтарный огонь. Дракон был рядом. Он хотел Настю. Значит, всё должно получиться.

Алан приподнялся, обхватил жену и перекатился вместе с ней. Настя оказалась под ним, не успев даже возмутиться. Он вошёл снова, сильнее и быстрее. Кровать глухо ударилась изголовьем о стену.

Жена обвила его ногами. Алан двигался в ней, целовал шею и грудь, ловил губами стоны. Влажное тепло сжимало его плоть, по спине прокатывалось напряжение. До разрядки оставалось совсем немного.

Настя потянулась между ними и коснулась его. Раньше от одного движения её пальцев Алан терял контроль. Сейчас удовольствие неожиданно провалилось, словно кто-то распахнул дверь в морозную ночь.

Он сделал ещё один толчок. Его плоть начала размягчаться внутри жены. Нет! Только не это!

Алан остановился, сжал зубы и попытался вернуть прежний ритм. Дракон ударил жаром, но тело не подчинилось. Настя отпустила его и замерла. Через несколько секунд скрывать происходящее уже не имело смысла.

Алан вышел из неё и сел на край кровати. В спальне стало слишком тихо. Только оба тяжело дышали, а за открытой дверью террасы шумел ночной ветер.

— Ничего страшного, — мягко сказала Настя.

Он смотрел на опавшую плоть и чувствовал, как горят лицо и шея. Сорок лет. Владыка. Сильнейший дракон нынешнего поколения. Мужчина, которого с детства учили держать под контролем зверя, род и целый народ. А теперь жена утешала его после того, как он не сумел закончить с ней близость.

— Не надо, — глухо произнёс он.

Настя придвинулась и положила ладонь ему на спину. Её прикосновение было осторожным и унижение стало ещё острее.

— Такое случается. Ты устал, Тимур весь вечер давил на тебя, последние недели вообще...

— Я сказал: не надо!

Она убрала руку. Алан почувствовал это сразу, хотя сам потребовал не прикасаться. Внутри заворочался дракон, недовольный резкостью носителя.

— Хорошо, — тихо ответила Настя. — Не буду.

Жалость. Теперь она жалела его, как жалела больного ребёнка в кабинете. Наверняка уже подбирала правильные слова, думала, к какому специалисту предложить обратиться и как сделать это бережно, чтобы не ранить мужскую гордость.

А эта гордость уже валялась где-то рядом с простынёй.

— Хватит смотреть на меня так.

— Как?

— Ты прекрасно понимаешь.

Настя подтянула к груди край покрывала. Несколько минут назад она лежала перед ним открытая и доверчивая, а теперь прикрывалась от мужа.

— Я ничего не сказала, Алан.

— В этом и дело. Молчишь и жалеешь.

— Я тебя не жалею. Я пытаюсь понять, что произошло.

— Не надо меня понимать!

Он поднялся и нашёл на полу домашние брюки. Пальцы плохо слушались, и это злило ещё сильнее. Настя сидела на кровати, придерживая покрывало одной рукой.

— Мы можем просто лечь спать, — предложила она. — А завтра спокойно поговорим.

Спокойно поговорим. За восемь лет эти слова превратились в предупреждение. Они спокойно говорили после каждого отрицательного теста, после каждого обследования, после советов старших взять вторую жену, после осторожных вопросов о том, точно ли человеческая истинная способна родить дракону. Разговоры ничего не меняли.

— О чём? — спросил Алан. — О том, что у нас опять ничего не получилось?

Настя побледнела. Он увидел, куда ударил, и мог остановиться. Дракон толкнулся изнутри, предупреждая. Но стыд требовал немедленно переложить хотя бы часть боли на другого человека.

— Мы не знаем, почему не получается, — тихо сказала она. — Ни у меня, ни у тебя не нашли причин.

— Человеческие врачи много чего не находят.

— Меня проверяли не только человеческие врачи. Эля обновляла защиту и тоже сказала, что вмешательства нет.

Имя Эльвиры прозвучало привычно. Она много лет осматривала печати обоих, повторяла, что связь могла ослабнуть из-за редкого союза с человеческой женщиной, и советовала не торопиться с выводами. Сегодня Алан вдруг вспомнил её взгляд после последней проверки. Сочувствующий, понимающий. Без этой осторожной жалости, которую он сейчас видел у жены.

— Значит, дело в нас, — бросил он.

— Возможно. Но это не повод нападать друг на друга.

— Я не нападаю.

— Тогда что ты делаешь?

Он застегнул брюки и повернулся. Настя смотрела прямо, хотя губы уже дрожали. Лучше бы она закричала. Лучше бы обвинила его, высмеяла, ударила. Её сдержанность оставляла его единственным виноватым в этой комнате.

— Говорю правду. Мы восемь лет пытаемся зачать ребёнка. Восемь лет! А теперь я даже трахнуть тебя нормально не могу.

— Сегодня не смог. Один раз.

— Не один.

Слова вырвались раньше, чем Алан решил, стоит ли произносить их вслух. Настя перестала дышать. Он вспомнил последние месяцы: как всё чаще возвращался поздно, отворачивался в постели, позволял усталости стать удобным объяснением. Близость случалась, но желание приходилось разжигать дольше. Дракон тянулся к истинной, а сам Алан иногда хотел только уснуть.

— Что значит «не один»? — спросила она.

— То и значит. Сегодня я хотя бы не стал делать вид, что всё как раньше.

Настя медленно встала. Покрывало соскользнуло на кровать, и она подняла сорочку с пола. Надела её, не торопясь и не прячась, хотя пальцы не сразу попали в тонкие бретели.

— Как давно?

Алан отвёл взгляд к тёмной террасе. Ветер шевелил тяжёлую занавесь, в комнату тянуло холодом. Он мог сказать, что не знает. Мог признаться, что сам не понимает, почему запах жены стал слабее и почему желание теперь иногда приходится вытаскивать из тела силой. Но вместо этого ответил:

— Достаточно давно.

— И ты молчал...

— А что должен был сказать? Что снова не хочу идти в спальню, потому что каждая наша ночь превратилась в попытку сделать наследника?

— Я никогда не заставляла тебя.

— Не заставляла. Просто каждый месяц ждала результата.

— Как и ты.

Он снова посмотрел на неё. Настя стояла босиком возле кровати, светлая сорочка доходила до середины бёдер. На шее темнел след его зубов. Ещё недавно Алану нравилось оставлять такие следы на её коже. Сейчас этот выглядел обвинением.

— Может, проблема не только в том, что беременность не наступает, — сказал он. — Может, я просто больше не хочу тебя как женщину.

Она не ответила. Несколько секунд смотрела на него, потом развернулась и пошла к ванной.

— Настя.

Она закрыла дверь. В замке повернулся ключ.

Алан остался посреди спальни. Дракон ударился в сознание с такой яростью, что перед глазами вспыхнуло янтарным. Владыка упёрся ладонями в край кровати и заставил зверя отступить.

Слова уже прозвучали. Вернуть их не мог даже он.

Настя открыла воду на полную мощность, чтобы муж не услышал, если она всё-таки заплачет. Потом села на закрытую крышку унитаза и уткнулась в тёмную плитку под босыми ногами.

Слёз не было. В груди болело, горло сжималось, но тело словно решило отложить истерику до более подходящего времени. Завтра, например. Или через неделю. Когда рядом не окажется Алана, способного услышать каждый неровный вдох.

За дверью стояла тишина. Он не постучал, не позвал снова, не попросил открыть. Возможно, вернулся в постель. Настя представила, как муж ложится на смятые простыни, и поспешно поднялась.

В зеркале отражалась женщина с растрёпанными волосами и красным следом на шее. Сорочка перекрутилась, одна бретель сползла с плеча. Настя поправила её и посмотрела на своё лицо.

Тридцать два года. Врач-педиатр. Жена Владыки. Истинная огромного чёрного дракона. Женщина, которую муж больше не хотел.

Последнее определение перечеркнуло все остальные, и Настя отвернулась от зеркала.

Она умылась холодной водой. Следовало снять косметику, расчесать волосы, найти халат и решить, где провести ночь. Простые действия обычно возвращали порядок мыслям, но сегодня руки двигались сами, а в голове повторялся голос Алана, который повторял, что он не хочет её.

Настя знала, что последние годы изменилась. В двадцать четыре она была легче, свободнее смеялась и не считала дни до начала следующего цикла. Тогда Алан смотрел на неё так, что становилось жарко даже в переполненном ресторане. Через месяц после встречи он надел ей на палец кольцо Владычицы, а ночью едва позволил служанкам закончить обязательные приготовления.

С тех пор вес прибавился. Несколько килограммов появились после ординатуры и ночных дежурств, ещё несколько — на гормональных препаратах, которые оказались бесполезны. Алан никогда не говорил, что ему не нравится её тело. Наоборот, любил мягкий живот, полные бёдра и грудь, которую сжимал сегодня так же уверенно, как прежде.

Только уверенные руки ничего не доказывали. Он знал её тело и мог доставить удовольствие без желания. Опыт заменил страсть, а дракон помог сохранить эрекцию достаточно долго, чтобы она не поняла правду раньше.

Настя коснулась следа от его зубов возле ключицы. В первые годы Алан оставлял такие метки почти каждую ночь, а утром целовал покрасневшую кожу и обещал быть осторожнее. Последние месяцы он прикасался к ней всё реже. Сегодняшняя жадность успела обмануть её.

Эльвира объясняла угасание близости тем, что человеческое тело иначе удерживает драконью связь. Настя верила. Хотела верить, потому что другой ответ означал ошибку, которую совершили все: зверь, Владыка, старшие рода и она сама.

Ребёнка не было почти восемь лет. Все человеческие обследования показывали норму. Настя знала показатели лучше любого пациента и всё равно каждый раз ждала, что новый врач найдёт причину. Небольшую, понятную, исправимую. Назначит лечение, назовёт срок, вернёт надежду.

Причины не находили. Эля проверяла печать и уверяла, что магического вмешательства тоже нет. Оставалась редкость самого союза. Дракон и человеческая женщина. Истинная, которую зверь выбрал вопреки правилам и привычкам рода.

Сначала старшие ждали наследника с любопытством. Потом с тревогой. Через три года появились осторожные советы, через пять — прямые вопросы. Настя научилась входить в столовую с поднятой головой, когда разговор обрывался при её появлении. Научилась улыбаться женщинам, которые рассказывали, как забеременели через неделю после свадьбы. Научилась отвечать, что они с Владыкой делают всё возможное и сообщат радостную новость, когда она появится.

Сегодня Тимур опять заговорил о долге Алана. Не обвинял Настю прямо и даже назвал её девочкой, словно это могло смягчить требование подумать о будущем правящей линии. Алан поставил бокал на стол и холодно велел дяде больше не обсуждать вторую жену в его доме.

Настя тогда решила, что муж всё ещё выбирает её. Поднялась вместе с ним из-за стола, дождалась в спальне и сама потянулась к его ремню. Ей хотелось вернуть им обоим уверенность, напомнить, какими они были до врачей, печатей и разговоров о наследнике.

Он позволил ей стараться, довёл до оргазма, вошёл и почти сразу потерял возбуждение. А после сказал правду, которую скрывал достаточно давно.

Настя всё-таки заплакала. Тихо, без рыданий, прижав ладонь ко рту. Слёзы текли по щекам и капали на сорочку, а вода продолжала бить в пустую ванну.

Она не знала, сколько просидела на полу возле тумбы. Ноги замёрзли, спина затекла. За дверь несколько раз прошёл Алан. Останавливался, но так и не постучал.

Когда слёзы закончились, Настя выключила воду и прислушалась. В спальне было тихо. Она открыла шкафчик, достала упаковку таблеток и посмотрела на календарь в телефоне.

До предполагаемого начала цикла оставалось четыре дня. Восемь лет она знала эти даты точнее расписания приёмов. Планировала поездки, обследования и близость. Покупала тесты заранее и прятала их в нижнем ящике, чтобы Алан не видел очередную надежду.

В этом месяце тест не понадобился. Даже если чудо всё-таки произошло раньше, несколько дней ничего не изменят.

Настя убрала телефон и нашла халат. Возвращаться в постель не хотелось, но и сидеть до утра в ванной было глупо. В их покоях оставались малая гостиная, кабинет Алана и диван возле камина. Можно лечь там.

Она повернула ключ. Дверь открылась почти беззвучно.

Алан стоял у выхода на террасу спиной к комнате. На нём были брюки, плечи оставались обнажёнными. Холодный воздух шевелил занавеси, но он словно не замечал его.

Настя прошла к гардеробной и взяла подушку. Муж обернулся только тогда, когда она сняла с кровати тонкое покрывало.

— Куда ты?

— В гостиную.

— Не глупи. Ложись здесь.

Владыка уже решил, где должна спать жена, и наверняка ожидал, что она подчинится, как подчинялись все вокруг. Настя посмотрела на смятые простыни и почувствовала, как к горлу снова подступает тошнота.

— Не хочу.

Алан нахмурился. Янтарь в его глазах почти исчез, оставив обычную тёмную радужку.

— Я уйду в кабинет.

— Не надо. Оставайся.

— Настя, мы оба наговорили лишнего.

Она прижала подушку к груди. За последний час Настя сказала только, что ничего страшного не случилось и они могут поговорить утром. Но Алану, видимо, требовалось разделить ответственность даже за разговор.

— Я ничего лишнего не говорила.

Он отвёл взгляд. На скулах заходили желваки, но спорить не стал.

— Хорошо. Я наговорил.

— Ты сказал правду.

— Я был зол.

— Одно другому не мешает.

Алан шагнул к ней. Настя не отступила, хотя тело отозвалось на его близость привычным теплом. Ещё недавно этот мужчина был внутри неё. Она до сих пор чувствовала последствия его ласк и ненавидела тело за готовность забыть услышанное.

— Посмотри на меня, — потребовал он.

— Я смотрю.

— Тогда не решай за меня, что правда.

— Ты сам всё решил. Достаточно давно.

Он поморщился, узнав свои слова. Настя обошла мужа и направилась к двери.

— Утром поговорим, — сказал Алан ей вслед.

Она остановилась, но не повернулась. Утром он наверняка попросит прощения за грубость. Скажет, что не хотел ранить, что Тимур довёл его разговорами о наследнике, а сегодняшний провал ничего не означает. Настя кивнёт, потому что восемь лет брака нельзя перечеркнуть одной ужасной ночью.

Только эта ночь началась не со ссоры. Она началась с его равнодушия, которое Настя приняла за усталость, и закончилась словами, подтверждавшими её самый страшный вопрос.

— Поговорим, — ответила она.

В малой гостиной давно погас камин. Настя не стала звать прислугу, нашла плед и легла на диван. Подушка пахла лавандой, покрывало оказалось слишком узким и не закрывало ноги.

Из спальни не доносилось ни звука. Возможно, Алан всё-таки ушёл в кабинет. Настя закрыла глаза и попыталась представить следующий день: приём детей, обед со старшими женщинами рода, улыбки, вопросы, возвращение в покои. Обычная жизнь жены Владыки, которую он защищал перед родом и больше не хотел в постели.

До этой ночи она боялась, что так и не родит ему наследника. Теперь рядом появился другой страх: их брак мог закончиться задолго до того, как кто-нибудь произнесёт слово «развод».

Глава 2

Настя проснулась от запаха кофе и несколько секунд не могла понять, почему лежит в малой гостиной. Узкий диван давил в бок, ноги мёрзли под коротким покрывалом, а в шее ныло после неудобной подушки.

Воспоминания вернулись раньше, чем она открыла глаза. Алан сидел в кресле у погасшего камина. Он успел одеться для работы: тёмные брюки, белая рубашка, часы на запястье. Пиджак лежал рядом. На низком столике стояли две чашки, маленький кофейник и тарелка с бутербродами.

Настя приподнялась и подтянула покрывало к груди. Муж не сказал ни слова, пока она поправляла сорочку и пыталась собрать растрёпанные волосы.

— Давно ты здесь?

— Минут двадцать.

— Мог разбудить.

— Мог.

Он выглядел так, словно вообще не ложился. Под глазами пролегли тени, на подбородке темнела щетина. Алан брился каждое утро, даже если собирался провести весь день в домашнем кабинете, и эта маленькая небрежность говорила о прошедшей ночи больше, чем его лицо.

Настя спустила ноги на пол. Рядом стояли мягкие тапочки, которых вечером здесь не было. Она надела их и потянулась к халату, оставленному на спинке дивана.

— Ты принёс?

— Да.

— Спасибо.

Тишина вернулась. Алан мог приказать десятку спорящих драконов замолчать одним взглядом, но сейчас не находил первых слов для разговора с женой. Настя не помогала. Ночью она уже предложила отложить ссору до утра. Теперь было утро.

Он взял одну чашку, подал ей и остался стоять рядом. Настя сделала глоток. Кофе оказался с молоком и половиной ложки сахара, как она любила. Алан помнил всегда подобные мелочи, тем более после восьми лет брака, и от этого становилось только больнее.

— Я пришёл просить прощения, — сказал он.

Она поставила чашку на столик. Алан сел напротив, сцепил руки и на несколько секунд опустил голову. Настя редко видела его таким. Перед старшими рода он признавал ошибку прямо и спокойно, но никогда не выглядел виноватым. Перед ней скрыть вину не получалось.

— То, что я сказал ночью, было жестоко, — продолжил он. — Я знал, куда бью. Знал, что сделаю тебе больно, и всё равно сказал.

— Почему?

— Потому что мне стало стыдно. Ты пыталась поддержать меня, а я решил, что жалеешь. Разозлился на себя и сорвался на тебе.

Он не оправдывался Тимуром, усталостью или давлением рода. Не напоминал, что Настя сама начала неприятный разговор. Просто сидел перед ней и признавал: виноват.

— Ты действительно так думаешь? — спросила она.

Алан сразу понял, о какой фразе речь. Его пальцы сжались, костяшки побелели.

— Ночью я хотел тебя ранить.

— Это не ответ.

— Другого у меня сейчас нет.

Настя посмотрела на него. Можно было потребовать ясности, заставить повторить, хочет он её или нет, вспомнить каждую ночь за последние месяцы. Только любой ответ теперь про-

звучал бы неправильно. Быстрое «конечно, хочу» стало бы ложью после случившегося. Молчание она уже получила.

— Значит, ты не знаешь.

— Я знаю, что люблю тебя.

Алан произнёс это спокойно, без красивых клятв. Восемь лет назад он тоже не умел говорить о чувствах и заменял признания поступками. Спорил с родом, готовил свадьбу за месяц, часами ждал Настю возле университета, пока она сдавала документы в ординатуру, хотя был против самого обучения.

От признания внутри потеплело, но ночная фраза никуда не исчезла. Настя не могла сделать вид, что теперь всё наладилось.

— Алан, я не хочу опять обсуждать это за завтраком. Мы всё равно никуда не придём.

— Я не пришёл обсуждать ребёнка.

— Но он всегда оказывается между нами.

Муж отвёл глаза. За окном светало, серые горы постепенно проступали за стеклом, а на террасе блестела влага. Ночью Алан оставил дверь открытой. Вероятно, простоял там до рассвета.

— Я не должен был делать тебя виноватой, — сказал он. — Ни в ребёнке, ни в том, что произошло в постели. Ты ничего плохого не сделала. Прости меня.

Настя провела ладонью по тёплой чашке. Извинение не вычёркивало его слов и не отвечало на главный вопрос. Но это был её муж, который пришёл без цветов, украшений и попытки купить прощение. Пришёл сам и признал именно то, в чём был виноват.

— Я прощаю тебя за срыв.

Алан поднял взгляд. Напряжение в его лице ослабло, но Настя не закончила.

— Только я не могу забыть всё остальное. Ты сказал, что это происходит не первый раз. Значит, мы должны понять, что с нами.

— Поймём.

— Вместе?

Алан посмотрел в чашку и не сразу ответил. Настя ждала, не помогая ему.

— Вместе, — произнёс Алан.

Настя кивнула и взяла чашку. Разговор закончился миром, которого она хотела ночью. Только раньше после примирения Алан обнял бы её, усадил к себе на колени или утащил обратно в спальню. Сейчас между креслом и диваном оставалось меньше метра, а муж не попытался сократить расстояние и лишь подвинул к ней тарелку.

— Поешь.

— Не хочу.

— У тебя приём с девяти.

— Я помню.

— Тогда хотя бы бутерброд.

Настя взяла один, потому что спорить из-за еды не было сил. Алан дождался, пока она откусит, и только после этого потянулся за пиджаком.

— Я буду в городе до вечера. Если понадобится, позвони.

— Хорошо.

Он остановился возле дивана. Настя подняла голову, ожидая поцелуя. Алан наклонился, но коснулся губами её лба. Так целовали ребёнка перед уходом или больного, которому требовался покой.

Дверь закрылась. Настя положила недоеденный бутерброд обратно на тарелку, допила остывший кофе, но легче ей не стало. Она приняла извинение, а доверие придётся возвращать дольше одного утра.

В клинику Настя приехала без опоздания. Отдельное двухэтажное здание стояло ближе к въезду в долину, чтобы женщинам с детьми не приходилось подниматься к резиденции. На первом этаже принимали терапевт и травматолог, второй Алан полностью отдал педиатрическому направлению после окончания её ординатуры.

У дверей кабинета уже ждали трое. Семилетний Марат прижимал к груди перевязанную руку, его мать ходила вдоль стены и ругала мужа, разрешившего сыну полезть на крышу сарая. Двухлетняя Лика сидела у бабушки на коленях и пыталась оторвать блестящую пуговицу от её платья. Последним оказался одиннадцатилетний Руслан, мрачный, красный от жара и недовольный необходимостью показывать горло.

Работа не позволяла долго думать о прошлой ночи. Настя осмотрела руку Марата, отправила его на снимок и объяснила матери, почему даже драконьи дети иногда ломают кости. Лике сделала прививку и вручила наклейку с медвежонком. Руслан дважды пытался убедить её, что температура тридцать девять не мешает тренировке.

— Если пойдёшь, можешь потерять сознание прямо на площадке, — предупредила Настя. — И тогда отец принесёт тебя обратно на руках.

— Я не потеряю!

— Все дети так говорят. А потом родители ругаются с врачами, потому что мы не умеем лечить упрямство.

Руслан подумал и согласился провести три дня дома. Его мать благодарно улыбнулась Насте и пообещала спрятать обувь сына.

К полудню очередь закончилась. Настя закрыла карту последнего пациента и поняла, что несколько часов почти не вспоминала утренний разговор. В кабинете пахло антисептиком, детским сиропом и мандаринами, которые оставила благодарная бабушка Лики.

В дверь заглянула медсестра. В руках она держала стопку карт, которую собиралась отнести в регистратуру.

— Анастасия, к вам Эльвира. Пускать?

— Конечно.

Медсестра сразу улыбнулась шире. Элю в клинике любили. Она помнила дни рождения, привозила редкие лекарства из города, никогда не разговаривала с персоналом свысока и умела рассмешить даже родителей, напуганных болезнью ребёнка.

Эльвира вошла с кожаной папкой под мышкой и небольшой коробкой в руках. На ней были узкие бежевые брюки, зелёная шёлковая блузка и лёгкий кардиган цвета тёмного шоколада. Яркие рыжие волосы она собрала в высокий хвост. Рядом с ней кабинет сразу показался слишком белым и скучным.

— Я принесла взятку, — сообщила Эля, ставя коробку на стол. — Твоя медсестра уже проверила, не яд ли там, и потребовала долю за молчание.

— Клевета, — донеслось из коридора. — Я потребовала две.

Настя невольно улыбнулась. Эльвира открыла коробку. Внутри лежали маленькие пирожные с орехами и ягодами.

— Теперь понимаю, почему тебя везде пускают без записи.

— Красивые глаза и древняя ведьмина сила тут совершенно ни при чём. Люди продажны, Настя. Особенно твои сотрудники.

— Я всё слышу!

— Вот поэтому тебе два пирожных!

Медсестра рассмеялась и ушла. Эля сняла кардиган, повесила его у двери и положила папку на край стола.

— Плановая проверка защиты. Верхний контур я посмотрела утром, теперь остались детское крыло и процедурные. Мне обещали освободить помещения после обеда.

— Я забыла, что ты придёшь.

— У тебя были причины?

Настя потянулась к чашкам, стоявшим в шкафчике. Эля обычно не задавала прямых вопросов сразу. Ждала, пока человек сам заговорит, и эта деликатность нравилась всем вокруг. Настю она иногда настораживала. Слишком уж точно подруга понимала, когда стоит пошутить, когда помолчать и какую тему лучше обойти.

Сегодня скрывать ссору не хотелось. Через несколько часов о ней могла узнать половина резиденции. Прислуга наверняка видела разобранный диван в гостиной и утренний завтрак возле камина.

— Мы с Аланом поругались.

— Сильно?

— Ночевали отдельно.

Эля не ахнула и не потребовала подробностей. Открыла шкафчик, сама нашла чай и включила чайник.

— Он опять разозлился из-за Тимура?

— Из-за себя. Тимур только помог.

— Удивительный талант у этого мужчины. Может довести человека даже чужими руками.

Настя улыбнулась, но сразу стала серьёзной. Шутки Эли помогали лишь на несколько секунд.

— Алан сказал, что больше не хочет меня как женщину.

Эльвира замерла с ложкой в руке. На красивом лице отразилось такое искреннее возмущение, что Настя почти пожалела о признании.

— Он совсем охренел?

— Эля!

— А что? Я могу сформулировать благороднее, но смысл останется тем же. Сегодня он хотя бы извинился?

— Пришёл утром.

— С очередным бриллиантом?

— Без подарка.

— Значит, понял, насколько виноват. Алан считает драгоценности универсальным средством от женских обид. Не знаю, кто внушил ему эту глупость.

Настя взяла пирожное, хотя есть не хотелось. Ореховая корочка хрустнула, кислая ягода немного перебила сладость.

— Он признал, что хотел сделать мне больно, — сказала она. — Я простила. Только теперь не понимаю, что делать дальше.

— Ничего сегодня не делай. Вы оба устали, на Алана давит род, а мужская гордость у него размером с дракона. Вчера она получила по голове и укусила ближайшего человека.

— Очень утешает, что ближайшей оказалась я.

— Другого он бы просто вышвырнул с террасы.

Настя фыркнула и прикрыла рот ладонью. Эля довольно улыбнулась, словно именно этого и добивалась.

— Я не оправдываю его, — добавила она уже серьёзно. — Алан сказал мерзость и обязан с этим разбираться. Просто одна ссора ещё не означает, что он перестал тебя любить или хотеть. Мужчины иногда так пугаются собственной слабости, что предпочитают обвинить кровать, погоду и женщину. Себя — в последнюю очередь.

— Он обвинил себя.

— Тогда у него остаётся шанс не стать окончательным идиотом.

Тёплая насмешка подействовала лучше осторожного сочувствия. Настя отпила чай и почувствовала, как напряжение понемногу отпускает плечи.

— Никому не говори, пожалуйста.

Эльвира перестала улыбаться. Весёлые искры исчезли из зелёных глаз.

— Конечно. Даже если Алан снова заслужит публичную порку, устраивать её без твоего разрешения я не стану.

— Спасибо.

— За что? Ты моя подруга.

Эля накрыла её пальцы ладонью, и Настя заставила себя не отдёрнуть руку. Прохладная кожа, мягкое прикосновение — ни одной причины для тревоги. И всё же рядом с Эльвирой Настя никак не могла расслабиться до конца.

Она испытывала стыд за это недоверие. Эльвира помогала ей перед свадьбой, следила за защитой, поддерживала после каждого обследования и не позволяла старшим женщинам рода обсуждать Настю в её присутствии. Сейчас снова пришла, выслушала и сумела рассмешить.

— Я правда думаю, что вам не нужно принимать решения после одной ссоры, — продолжила Эля. — Дай ему немного времени. Если любит, сам найдёт дорогу обратно в спальню.

— А если не найдёт?

Эльвира коснулась пальцами края чашки, прежде чем ответить. Чай давно остыл, но она зачем-то помешала его ложкой.

— Тогда будешь решать, чего хочешь ты. Но не сегодня.

Она убрала руку и поднялась. За стеклом двери появилась медсестра с ключами от процедурных.

— Меня зовёт долг, — сказала Эля, надевая кардиган. — Если увидишь в коридоре синие искры, не пугайся. Красные — уже повод бежать.

— Очень профессиональное объяснение техники безопасности.

— Я столько лет работаю с драконами, что давно не трачу на подробные инструкции дыхание. Они всё равно не слушают.

Медсестра засмеялась. Эля подхватила папку и вышла вместе с ней, по пути спросив о её больной матери. Настя осталась возле стола с чаем и открытой коробкой пирожных.

Подруга сказала всё правильно. Не потребовала подробностей, не предложила немедленно уйти от Алана и не стала убеждать, что Настя сама виновата. Она была благодарна ей и одновременно ждала, когда шаги стихнут в коридоре. Лишь тогда она выдохнула свободнее.

Эльвира проверила последний защитный узел в процедурной и отпустила медсестру. Та унесла папку с отметками в приёмную и пообещала никого не впускать до окончания проверки.

Дверь закрылась. Она осталась одна и позволила улыбке исчезнуть.

Три года понадобилось мороку, чтобы Алан Лютаев не сумел закончить в постели с истинной. Настя не рассказала подробностей, но они и не требовались. Слова о мужском срыве, отдельная ночь и утреннее извинение сказали Эльвире главное. Заклятье наконец-то набрало силу.

Она подошла к окну. Между деревьями виднелась резиденция: светлый камень, широкие стеклянные стены, верхняя терраса над ущельем. Эля выросла в этом доме и собиралась однажды стать его хозяйкой.

До появления Насти никто не сомневался, что место рядом с Аланом займёт женщина из семей, связанных с Лютаевыми. Эльвиру этому не учили, конечно. Ей просто с детства показывали будущую жизнь: мать обновляла защиту Дамира, Эля помогала ей и проводила всё больше времени в резиденции. Алан спорил с ней, смеялся над слишком торжественными наставлениями Ираиды, флиртовал и задерживался после ритуалов дольше, чем требовалось.

Он никогда ничего не обещал. Иногда смотрел на неё так, что обещания казались лишними.

Она ждала первого шага. Алан не торопился, и Эльвира была уверена, что времени у них достаточно. Драконы выбирали истинных среди знакомых родов, а Владыка не мог до старости оставаться один. Рано или поздно он посмотрел бы вокруг и увидел женщину, которая подходила ему по крови, положению и силе. Однако однажды он уехал на деловую встречу в Каменогорск и вернулся с новостью о найденной истинной.

Через месяц простой человеческой девушке надели кольцо Владычицы. Алан смотрел на неё во время церемонии так, как прежде не смотрел ни на одну женщину. Ради Насти он пошёл против старших, изменил привычки резиденции, терпел её споры и даже позволил закончить ординатуру, хотя жена Владыки могла не работать ни одного дня.

Эльвира ждала, когда увлечение закончится. Ну не могла та быть истинной для дракона! Человеческая женщина должна была испугаться дракона, устать от правил или сбежать из закрытой долины. Настя не сделала ничего из ожидаемого. Она научилась жить среди оборотней, спорить с Аланом и улыбаться родичам, которые ещё недавно не считали её достойной войти в дом.

Пять лет Эльвира пыталась вернуть внимание Алана без магии. Надевала платья, которые ему нравились, задерживалась после ритуалов, напоминала об их прежнем флирте. Он мог улыбнуться, сделать комплимент, коснуться её руки. За границу не перешёл ни разу, и Эльвира перестала ждать.

Морок приходилось вплетать медленно. Защита Владыки сопротивлялась любому чужому воздействию, а дракон замечал малейшую опасность. Эльвира прятала нити внутри настоящих заклятий, добавляла по одной при каждом обновлении и терпеливо ослабляла то, что Алан чувствовал к жене.

Сегодня терпение окупилось. Он уже сомневался в Насте, даже если ещё не позволял себе назвать сомнение вслух. Тело отказывалось подтверждать связь, а мужская гордость превращала страх в злость. Дальше требовалось только показать ему женщину, которую он сумеет захотеть без усилий.

Эльвира увидела отражение в тёмном стекле и поправила выбившуюся прядь. В тридцать пять она выглядела почти так же, как десять лет назад. Ведьмина кровь сохраняла молодость, но не останавливала время полностью. Ей ещё предстояло стать женой Владыки, укрепить положение и родить детей. Ждать следующую пятилетку Эля не собиралась.

Хотелось подняться в резиденцию прямо сейчас. Найти Алана в кабинете, закрыть дверь и убедиться, что морок действует только против жены. Он всегда замечал её красоту. До Насти допускал связь. Одного прикосновения могло хватить.

Но слишком лёгкая победа насторожила бы его. Алан привык принимать решения сам и яростно сопротивлялся любому давлению. Если Эльвира предложит себя сразу после ссоры супругов, он оттолкнёт её из упрямства, даже желая.

Нет, подходить первой она не станет. Пусть Алан сам заметит запах её волос, открытую шею и руку на собственной груди. Пусть удивится реакции тела, сравнит её с прошедшей ночью и решит, что получил ответ без чужой помощи.

Эльвира достала телефон. В переписке с Аланом оставались только короткие сообщения о защите долины, резиденции и назначенных ритуалах. Ничего личного за последние годы.

Она открыла календарь. Очередное обновление печати Владыки стояло на завтра. Оставалось выбрать время, когда никто не помешает.

«Завтра нужно обновить защиту Владыки. Когда освободишься?»

Ответ пришёл через несколько минут: «После семейного ужина». Эльвира перечитала сообщение и закрыла папку. Завтра рядом с Аланом не будет ни врачей, ни старших, ни жены. Только женщина, с которой он когда-то допускал связь, и морок, наконец набравший полную силу.

Глава 3

К семейному ужину Алан опоздал на семь минут и уже с порога понял, что зря вообще согласился спуститься. Сегодня от него ждали разговора, которого он избегал несколько лет.

В столовой его ждали Тимур, трое старших мужчин рода, Эльвира и Настя. Жена сидела справа от пустующего кресла Владыки. Светлые волосы она собрала на затылке, надела закрытое синее платье и держала спину так прямо, что у Алана свело челюсть. За два дня между ними не случилось ни новой ссоры, ни примирения. Они завтракали вместе, разговаривали о клинике и делах долины, а вечером расходились по разным спальням. Настя больше не плакала. Она стала вежливой, спокойной и далёкой.

Алан подошёл к ней, коснулся губами виска и почувствовал едва уловимый запах её шампуня. Раньше одного этого хватало, чтобы захотеть увести жену из-за стола, не дожидаясь десерта. Сейчас он лишь заметил, какая холодная у неё кожа.

— Прости, задержали в городе.

— Ничего. Мы ещё не начинали.

Она подняла на него глаза и даже улыбнулась. Для остальных. Алан сел рядом, поздоровался с мужчинами и поймал внимательный взгляд Эльвиры. Эля ничего не спросила. Она появилась в доме час назад, проверила наружный контур защиты и осталась на ужин по просьбе Тимура. После им предстояло обновить печать Владыки.

За столом подали запечённую форель, овощи и домашний хлеб. Разговор начался с ремонта дороги к северной части долины. Старшие спорили о подрядчике, Тимур требовал закончить работы до осенних дождей, а Алан отвечал машинально. Он знал, что ради дороги их не собирали. Подобные вопросы решались в кабинете за двадцать минут и не требовали присутствия Владычицы.

Настя тоже это понимала. Она почти не ела, хотя старательно поддерживала разговор. Когда один из мужчин спросил о клинике, рассказала о новом аппарате и будущих осмотрах детей перед школой. Голос у неё оставался ровным, пальцы спокойно держали вилку. Только Алан видел, как побелели костяшки.

— До школы ещё далеко, — заметил Тимур. — Времени хватит обсудить медицину отдельно.

Настя положила вилку на тарелку. Алан откинулся на спинку кресла и посмотрел на дядю.

— Говори.

— Восемь лет, Алан.

Тимур не стал объяснять, о чём речь. За столом стихли последние разговоры. Один из старших потянулся к бокалу, но передумал и убрал руку.

— Я умею считать, — ответил Алан.

— Тогда должен понимать, почему мы снова сидим здесь.

— Потому что вам нечем занять вечер?

— Потому что у рода нет прямого наследника.

Настя едва заметно вздрогнула. Алан накрыл её ладонь рукой и почувствовал, как напряглись тонкие пальцы. Она не отстранилась, однако и не ответила на прикосновение.

— Этот вопрос касается меня и моей жены.

— Он касается всей долины. Ты Владыка!

— Именно поэтому я сам решу, что касается рода, а что нет.

Тимур сощурился. Он был младше Дамира на девять лет и совсем на него не походил. Отец Алана умел улыбнуться так, что спорить с ним расхотелось бы даже у камня. Тимур

говорил прямо, не смягчая ни требования, ни несогласие. Сегодня в его тоне не было злости. Это раздражало сильнее, чем открытый нажим.

— После тебя титул должен перейти твоему сыну, — сказал он. — Так было всегда. У меня двое сыновей, и кровь Лютаевых не исчезнет, что бы ни случилось. Но если с тобой завтра что-нибудь произойдёт, род получит Владыку, которого к этому не готовили. Сначала меня, позже одного из моих мальчиков. Начнутся споры между семьями, появятся желающие проверить нового правителя на силу. Ты прекрасно знаешь порядок.

— Со мной завтра ничего не произойдёт.

— Дамир тоже так думал.

У Алана потемнело в глазах. Под рёбрами шевельнулся дракон, отозвавшись на имя прежнего Владыки тяжёлым жаром. Настя сжала пальцы, и это удержало Алана в кресле.

— Не смей использовать смерть моего отца, чтобы давить на мою жену.

— Я давя на тебя. Настя здесь потому, что вы оба восемь лет откладываете решение.

— Какое решение? — спросила она.

Её ладонь под рукой Алана стала ледяной. Он хотел остановить разговор, приказать всем разойтись, но опоздал. Настя смотрела на Тимура, не отводя глаз.

— Назовите его прямо. Хотя бы сегодня.

Тимур помолчал. Он не любил причинять ей боль, Алан это видел. Дядя принял человеческую истинную раньше многих и никогда не позволял говорить с ней свысока. Однако долг рода для него стоял выше жалости.

— Я хочу, чтобы вы прошли ещё одно обследование. Полное. У врачей и у тех, кто способен проверить магическую сторону связи.

— Мы проходили десятки обследований, — сказала Настя. — В разных клиниках. У людей, оборотней, ведьм. Эльвира проверяла нас несколько раз. Мы здоровы.

— Значит, нужно искать дальше.

— Мы ищем.

— Где результаты?

Алан сильнее сжал её руку, стараясь остановить этот разговор хотя бы для неё. Настя не ответила на поддержку и продолжила смотреть на Тимура.

— Хватит.

— Нет, — тихо сказала Настя. — Пусть закончит. Я хочу знать, что ещё должна сделать, чтобы перестать быть угрозой для рода.

Тимур нахмурился, но ответил без раздражения. Он не собирался принимать на себя вину, которой Настя его наделила.

— Я не называл тебя угрозой.

— Вы сказали, что из-за меня начнутся споры между семьями.

— Я сказал, что они начнутся, если Алан не оставит наследника. Ответственность лежит на нём.

— А ребёнка должна родить я!

Она произнесла это без слёз и жалобы. Алану захотелось перевернуть стол. Восемь лет они жили от надежды до надежды: считали дни, ждали задержки, покупали тесты, сдавали кровь. Он помнил все её обследования, белые больничные стены, ожидание возле кабинетов. Помнил, как Настя возвращалась с очередным заключением и пыталась шутить, пока он не обнимал её. После этого она обычно плакала у него на груди, а он обещал, что у них впереди много времени.

Теперь каждое воспоминание вызывало злость. На врачей. На старших. На собственное тело, которое два дня назад отказалось дать жене хотя бы близость без унижения. На Настю тоже, и от этого становилось мерзко.

— Настя сделала достаточно, — сказал он. — Новых обследований не будет, пока мы сами их не захотим.

— Ты отказываешься исполнять обязанность Владыки? — спросил один из старших.

— Я отказываюсь обсуждать постель с женой за общим столом.

— Речь давно вышла за пределы вашей постели. Истинная связь обязана дать наследника! Если его нет столько лет, приходится рассматривать причины, которые вам неприятны.

Алан повернул голову. Мужчина сидел напротив Насти, седой, сухой, с поджатыми губами. Он служил ещё при Дамире и привык считать возраст разрешением говорить всё, что приходит в голову.

— Выбирай следующую фразу осторожно.

— Я лишь предлагаю проверить, действительно ли Владычица способна выносить ребёнка дракона. Человеческие врачи могли не увидеть...

— Её проверяли наши врачи, — перебил Алан.

— Тогда остаётся признать очевидное. Ошибка либо в женщине, либо в самой связи. И если Владычица бесплодна...

— Довольно, — сказала Эльвира.

Она не повысила голоса, но старший замолчал. Эля отложила салфетку и посмотрела на него через стол. Улыбки на её лице больше не было.

— Настасья здорова. Я лично изучала заключения и проверяла магический фон. Вы сейчас предлагаете оскорбить женщину за то, чему ни один специалист не нашёл причины.

— Я говорю о будущем рода.

— Тогда говорите о нём с Владыкой. Без рассуждений о том, что его жена способна или не способна сделать в постели и при родах.

Мужчина покраснел и сжал лежащую возле тарелки салфетку. Под взглядом Владыки ему пришлось выбрать между гордостью и разумом.

— Ты забываешься, Эльвира.

— Напомните, какую часть обязанностей советницы я забыла? Проверять защиту? Я проверила. Искать постороннюю магию? Её нет. Давать заключение о здоровье? Я дала. Слушать, как за ужином унижают мою подругу, в обязанности не входит.

Настя повернулась к ней. В её глазах блеснули слёзы, но она быстро моргнула и справи-лась с ними.

— Спасибо, Эля.

— Не благодари. Он должен извиниться.

Старший посмотрел на Алана, надеясь найти поддержку. Тот медленно убрал руку с ладони Насти и положил обе на стол.

— Эльвира права.

— Я не хотел оскорбить Владычицу.

— Однако оскорбил.

Тяжёлое молчание длилось несколько секунд. Мужчина первым отвёл глаза.

— Прошу прощения, Настасья. Я выбрал недопустимые слова.

— Я принимаю извинения, — ответила она.

Тимур провёл ладонью по подбородку и посмотрел на остальных. Продолжать ужин после такого разговора никто уже не хотел.

— На сегодня закончим. Алан услышал наше беспокойство. Повторять его десятью разными способами нет смысла.

— Я услышал его ещё пять лет назад, — отрезал Алан.

— Тогда перестань вести себя так, словно мы желаем тебе остаться бездетным. Я не хочу занимать твоё место. Мои сыновья тоже. Но я обязан думать, что случится с родом, если место однажды освободится.

— Не освободится.

— Хорошо. Докажи это не мне, а времени.

Тимур поднялся. Старшие последовали за ним, торопливо попрощались с Настей и вышли из столовой. Дверь закрылась, оставив за столом троих.

Алан смотрел на недоеденную рыбу. Раздражение не уходило, жгло изнутри и требовало виноватого, хотя настоящий виновник сидел сейчас в его кресле и пытался не сорваться на двух женщин, которые ничего ему не сделали.

— Очень приятный вечер, — сказала Эльвира. — В следующий раз позовите музыкантов. Под угрозы о будущем рода хорошо идёт скрипка.

Настя неожиданно рассмеялась. Тихо, всего на несколько секунд, но её лицо смягчилось. Эля потянулась к кувшину и налила ей воды.

— Не слушай их. Печать чистая, обследования хорошие. Ты ни в чём не виновата.

— Я знаю.

Настя взяла стакан. Уверенности в её ответе не было.

— Они придут снова, — сказала она Алану.

— Пусть попробуют.

— Попробуют. И будут правы хотя бы в одном: ты Владыка. От тебя ждут наследника.

— Мне плевать, чего они ждут.

Он ответил резче, чем хотел. Настя вздрогнула и опустила стакан на стол.

— Тебе легко говорить. Не тебя спрашивают на каждом празднике, когда ты наконец родишь. Не на тебя смотрят жёны старших, пересчитывая годы нашего брака.

— Я только что выгнал их из-за тебя!

— Я видела. Спасибо.

— Тогда зачем снова начинать?

— Потому что после их ухода проблема никуда не делась.

Алан встал. Кресло с тяжёлым скрипом отъехало по каменному полу. Дракон беспокойно ворочался внутри, но не показывался ближе. Между ними снова стояла глухая преграда, которую Алан не умел сломать.

— Я не могу дать тебе ответ, которого у меня нет.

— Я и не прошу ответа.

— Просишь. Каждый раз, когда смотришь на меня так.

Настя побледнела, и Алан сразу пожалел о сказанном. Забрать слова обратно он не мог, а подходящих для извинения не нашёл.

— Как — так?

Он не сумел объяснить. В её глазах были усталость, обида и ожидание нового удара. Алан сам создал этот взгляд два дня назад и теперь злился, что не может его вынести.

Эльвира поднялась между ними. Она никого не заслоняла и не пыталась прикосновением успокоить Настю или Алана.

— Вы оба сегодня получили достаточно, — сказала она. — Насте нужно отдохнуть, тебе — остыть. У нас назначено обновление печати. Займёмся им сейчас, а семейный разговор продолжите без зрителей.

Алан посмотрел на неё. Эля оставалась спокойной. Не жалела Настю слишком открыто, не обвиняла его и не требовала немедленно исправить то, что копилось годами. Она остановила старшего, поддержала жену, а теперь давала ему возможность уйти без очередной ссоры.

— Хорошо.

Настя тоже встала и поправила юбку. На Алана она посмотрела лишь перед тем, как уйти.

— Я буду у себя.

— Я зайду после ритуала.

Она задержала на нём взгляд, словно пыталась угадать, зачем он придёт: мириться или снова делать больно. Алан не знал этого и сам.

— Если захочешь поговорить, заходи.

Настя обняла Элю. Та шепнула ей что-то про невкусную рыбу, добилась слабой улыбки и проводила до двери. Алан ждал возле стола и думал, что за весь вечер лишь Эльвира ни разу не потребовала от него невозможного.

Эльвира привела Алана в ритуальную комнату на верхнем этаже. Когда-то Ираида проводила здесь почти все обновления защиты Дамира. После его смерти помещение перестроили: убрали тяжёлые шкафы, заменили тёмные шторы, провели воду и сделали широкий выход на террасу. Остался круг из чёрного камня в центре пола и старый медный столик для инструментов.

Алан закрыл дверь и начал расстёгивать рубашку. Он делал это перед ней много раз, и Эля давно научилась смотреть спокойно. Сегодня пальцы всё равно захотелось сжать, чтобы не потянуться к его груди.

— До пояса достаточно, — сказала она и открыла футляр с мелом, иглами и флаконами. — Старая печать держится хорошо. Обновлю верхние линии и узел возле сердца.

Он снял рубашку и бросил её на кресло. В мягком свете настенных ламп тёмные знаки на коже проступали отчётливее. Защитная печать охватывала левую сторону груди, спускалась по рёбрам и уходила на спину. Большая часть линий была создана Ираидой, но последние годы Эльвира переплетала их со своими. Алан доверял ей тело, силу и безопасность долины. Он не знал, что вместе с защитой впускает заклятье, которое медленно разрушает его брак.

— В круг, пожалуйста.

Он встал на чёрный камень. Эля зажгла четыре свечи, положила рядом тонкую серебряную иглу и подошла к нему. От Алана пахло морозным воздухом, вином и раздражением. Жар его тела чувствовался на расстоянии ладони.

— Больно будет? — спросил он.

— После восьми лет со мной ты всё ещё надеешься услышать правду заранее?

Уголок его рта дрогнул, и напряжение возле глаз немного смягчилось. Эля позволила ему несколько секунд передышки и занялась раствором.

— Значит, будет.

— Немного. Можешь пожаловаться Насте. Она выпишет тебе сироп и наклеит пластырь с медвежонком.

— Очень смешно.

— Ей сегодня понравилось.

Эля смочила пальцы в тёплом растворе и провела по верхней линии печати. Подушечки скользнули от ключицы к плечу. Алан перестал улыбаться, мышцы под её рукой напряглись.

Магия поднялась сразу. Защитные нити вспыхнули синим, соединились вокруг её пальцев и потянули силу. Эльвира закрыла глаза, позволяя настоящему ритуалу скрыть всё остальное. Тонкий жгут морока лежал глубже, возле сердца. За три года он пророс в печать и отзывался на её прикосновение, как часть защиты.

Она добавила новую нить. Та коснулась прежних, обвила их и затянула преграду между мужчиной и драконом. Зверь толкнулся с другой стороны. Камень под ногами Алана нагрелся, пламя свечей качнулось.

— Что это? — спросил он.

Эля не убрала руки и продолжила вести линию. Остановиться сейчас значило оставить защиту незаконченной и привлечь внимание Алана к вспышке.

— Дракон недоволен вмешательством. Сегодня ты раздражён, он чувствует это.

— Последние дни я почти его не слышу.

На короткий миг пальцы похолодели. Она продолжила вести линию по его груди, сохраняя размеренное дыхание.

— После ссор такое бывает. Зверь защищает связь и может закрыться, если считает, что человек поступил неправильно.

— Он считает.

— А ты?

— Я знаю, что поступил как последняя сволочь.

Алан смотрел поверх её головы на огни долины за стеклянной дверью. В голосе не было попытки оправдаться. Эля почти пожалела его. Несколько лет назад, до морока, он не позволил бы Насте уйти в другую спальню. Разнёс бы половину дома, добился разговора, вымолил прощение или утащил жену в постель. Сейчас магия гнала его прочь от той, без кого он когда-то не мог дышать.

Жалость быстро прошла. У Эльвиры осталось не так много времени, чтобы получить жизнь, которую Настя заняла по случайности.

— Ты извинился.

— Этого мало.

— Конечно, мало. Но она тебя любит.

— Я больше не уверен.

— В её любви?

Он опустил глаза. Эля стояла совсем близко. На каблуках ей не приходилось сильно задирать голову, и всё равно Алан возвышался над ней. От его взгляда по коже прошёл жар.

— В том, что могу всё исправить.

— Можешь, если поймёшь, что именно сломалось.

Она взяла серебряную иглу и проколола кожу у края печати. На груди выступила тёмная капля крови. Эля собрала её большим пальцем и растёрла по линии. Алан глубоко вдохнул.

Сегодня она выбрала духи, которыми пользовалась до его свадьбы. Почти забыла их запах за восемь лет: горький апельсин, ваниль и древесная смола. Когда-то Алан задержал её возле этой комнаты и сказал, что от неё пахнет опасной ночью. Эля рассмеялась и спросила, хватит ли ему смелости проверить. Он ответил, что однажды обязательно проверит.

Через несколько недель он встретил Настю, и давнее обещание потеряло всякий смысл. Эля все эти годы помнила каждое слово того разговора.

Она провела ладонью ниже, к последнему знаку под рёбрами. Ей пришлось приблизиться. Грудь почти коснулась его живота, волосы скользнули по плечу Алана. Она ощутила, как изменилось его дыхание, и позволила пальцам задержаться на коже чуть дольше необходимого.

Он отреагировал мгновенно. Взгляд потемнел, радужки налились янтарём. Алан сжал челюсть. Ткань брюк натянулась, скрыть возбуждение не удалось бы даже при желании.

Эля видела его обнажённым во время ритуалов, лечила ожоги после обращений и касалась почти каждой линии на теле. Раньше он не реагировал. Мог пошутить, спросить о делах или стоять с закрытыми глазами, пока она заканчивала работу. Теперь следил за её рукой так, словно представлял совсем другие прикосновения.

Морок действовал. Эльвира отступила к столику раньше, чем Алан успел коснуться её. Он провёл ладонью по лицу и повернулся к террасе. На шее выступили тёмные чешуйки, исчезли и появились снова.

— Прости, — сказал он.

— За что?

— Ты видела.

— Я не ослепла за последние пять минут.

Он резко посмотрел на неё. Эля улыбнулась и принялась убирать иглу в футляр. Её руки оставались уверенными, хотя сердце колотилось так сильно, что мешало дышать.

— Не переживай. Мужское тело иногда выбирает неподходящий момент.

— Моё в последнее время вообще ничего не выбирает.

Вот оно. Эльвира не ждала, что он признается так быстро. Она закрыла флакон и лишь после этого повернулась.

— У вас с Настей давно проблемы?

— Я не хочу это обсуждать.

— Тогда не обсуждай.

Она взяла мел и присела возле круга, проверяя знаки на камне. Алан мог уйти, разговор был закончен. Эля знала его достаточно хорошо: возможность промолчать заставляла его говорить откровеннее любых расспросов.

— Раньше всё было иначе, — сказал он за её спиной.

— В браке многое меняется.

— Не так.

Эля поднялась. Алан стоял у стеклянной двери, отвернувшись к долине. Возбуждение ещё не прошло. Он злился на него и на себя, но рубашку не надевал.

— Сегодня за столом ты сказала, что магического вмешательства нет, — напомнил он.

— Нет.

— Ты уверена?

— Я проверяла и тебя, и Настю, и защиту дома. Чужих следов не нашла.

Ложь давалась легко после стольких лет. Она не торопилась продолжать и не подходила к нему. Нужную работу уже сделали запах, прикосновения и его тело.

— Тогда почему я не могу дать ей ребёнка? — спросил Алан. — Почему больше не хочу её, как раньше?

Эльвира закрыла футляр. Ответ требовал осторожности. Скажи она слишком много, Алан заподозрит давление и упрётся. Промолчи — он решит, что ведьма ничего не знает.

— Я могу только предполагать.

— Предполагай.

— Тебе не понравится.

— Мне сегодня вообще мало что нравится.

Она подошла к креслу, взяла его рубашку и протянула Алану. Он забрал её, но не надел.

— Мы всегда считали, что связь с Настей истинная, — начала Эля. — Дракон признал её, ты узнал запах, рядом с ней появилась тяга. Все признаки совпали. Вы поженились почти сразу, и первые годы сомневаться было не в чем.

— Не было и сейчас.

— Хорошо.

Эльвира отвернулась к столику, давая ему отступить. Алан не воспользовался возможностью.

— Договаривай.

— Иногда признаки можно распознать неверно. Сильное влечение принять за истинность. Реакцию дракона — за окончательный выбор. Особенно если всё происходит быстро и никто не ждёт ошибки.

— Истинная связь не ошибается.

— Связь — нет. Ошибиться могут люди, которые дают ей название.

Алан молчал. Эля видела, как напряглись его плечи. Дракон снова толкнулся за преградой, и печать вспыхнула короткой синей искрой. Новый слой морока удержал зверя.

— Ты хочешь сказать, Настя мне не истинная?

— Я ничего не утверждаю.

— Ты только что сказала именно это!

— Я ответила на вопрос, почему у пары восемь лет нет ребёнка и исчезает влечение. Если связь распознали верно, у меня нет объяснения. Все обследования хорошие, вмешательства нет. Настя здорова, ты здоров. Остаётся искать причину там, куда раньше никто не хотел смотреть.

Он надел рубашку, но не стал застёгивать. Янтарь в глазах медленно угасал.

— Почему ты не говорила об этом раньше?

— Потому что раньше ты едва мог отойти от неё на несколько часов. Какой смысл было рассказывать счастливому мужчине, что его счастье назвали неправильно? Ты бы выставил меня за дверь и оказался бы прав.

— А сейчас смысл появился?

Эльвира выдержала его взгляд и не стала смягчать ответ. Сейчас отступление вызвало бы больше подозрений, чем прямота.

— Сейчас ты задал прямой вопрос.

Алан отошёл к террасе и распахнул дверь. В комнату ворвался холодный горный воздух. Свечи погасли, по полу прокатился запах дыма. Эля осталась возле круга. Подойти, коснуться спины, прижаться к нему сейчас было бы так просто. Он возбуждён, растерян и злится на жену. Ещё несколько ласковых слов — и мог сам притянуть её.

Но она слишком долго ждала, чтобы испортить всё торопливостью. Эля заставила себя отойти к столику и защёлкнула футляр.

— Печать обновлена, — сказала она. — До утра не обращайся. Дай линиям закрепиться.

— Хорошо.

— И не принимай решений сегодня. Ни о Насте, ни о связи. Я могла ошибиться.

Он обернулся, придерживая незастёгнутую рубашку рукой. От прежнего возбуждения остался только тёмный янтарный отблеск в глазах.

— Ты часто ошибаешься?

— Реже, чем хотелось бы моим врагам. Но в чужом браке я предпочитаю оставить себе такую возможность.

Эля взяла футляр и направилась к двери. Алан остановил её, когда пальцы уже легли на ручку.

— Спасибо. Ну... за ужином.

— Я сказала правду. Настя не заслужила того разговора.

— Ты единственная не пыталась заставить меня выбрать сторону.

— Потому что у вас одна сторона, Алан. По крайней мере, пока вы оба этого хотите.

Она вышла и закрыла дверь. Лишь в коридоре позволила себе глубоко вдохнуть. Колени дрожали от напряжения и возбуждения. Хотелось вернуться, прижать ладонь к его животу и проверить, насколько сильно он всё ещё хочет её. Она пошла к лестнице, не оглядываясь.

Сегодня Алан должен остаться один. Пусть вспоминает, как быстро отозвалось тело. Пусть сравнивает эту реакцию с ночью в супружеской спальне и сам ищет объяснение. К утру сомнение укоренится глубже нового слоя морока.

Она спустилась на первый этаж и уже взялась за пиджак, когда наверху хлопнула дверь террасы. Следом донёсся глухой удар, словно Алан врезал кулаком по стене. Эльвира улыбнулась и вышла из дома. Два дня назад он не сумел закончить с женой, которую когда-то хотел постоянно. Сегодня хватило запаха другой женщины и нескольких прикосновений, чтобы тело ответило сразу. Теперь ему предстояло самому решить, что это говорит о его истинной.

Глава 4

После ритуала Алан к ней не пришёл. Настя старалась не считать это новым бегством, но другого объяснения не находила.

Она прождала его почти до полуночи. Сначала читала в постели, потом отложила книгу и прислушивалась к шагам в коридоре. В доме давно стихли голоса и погас свет на первом этаже. Несколько раз ей казалось, что за дверью кто-то остановился, но ручка не повернулась.

Утром они встретились за завтраком. Алан спросил, хорошо ли она спала, Настя соврала, что хорошо. Он сообщил о поездке в город и уехал раньше, чем подали кофе. После вчерашнего ужина ей уже не хотелось выяснять, почему муж опять сбежал от разговора.

В клинике было много детей, и это помогало. Настя осматривала животы, слушала лёгкие, уговаривала пятилетнего мальчика открыть рот и не кусать шпатель. Отвечала матерям, заполняла карты, выписывала направления. Возле кабинета шумели, в коридоре кто-то смеялся, медсестра дважды приносила чай и оба раза уносила нетронутым. До конца приёма Настя ни разу не посмотрела на телефон.

Домой она вернулась после восьми. Поужинала одна и поднялась в комнату, которую занимала третью ночь. Здесь всё было удобным и безликим: светлые стены, широкая кровать, кресло возле окна. Когда-то комнату готовили для гостей Владыки. Настя выбирала покрывало и спорила с дизайнером из-за слишком холодного освещения. Она не думала, что однажды сама станет здесь гостьей.

В половине десятого в дверь постучали. Настя замерла, положив пальцы на клавиатуру, и закрыла ноутбук. Сердце ударило быстрее, хотя она ещё не знала, кто пришёл. Сотрудники дома обычно звонили по внутренней связи, Эля вошла бы после первого стука, а Тимур не поднимался в женскую часть этажа без приглашения.

— Войдите.

Алан открыл дверь и остался на пороге. На нём были тёмные брюки и белая рубашка с закатанными рукавами. Верхние пуговицы расстёгнуты, волосы после душа ещё влажные. Настя слишком хорошо знала этот вид. Так он приходил к ней по вечерам, когда заканчивал дела и не собирался больше никуда уходить.

— Не занята?

— Уже нет.

Он посмотрел на закрытый ноутбук и вошёл. Дверь за спиной прикрыл, но не запер. Настя села ровнее и подтянула край халата на коленях.

— Как прошёл день? — спросил Алан.

— Обычно. У двоих простуда, один вывихнул палец, ещё одна девочка проглотила бусину. К счастью, маленькую и круглую.

— Вытащили?

— Она сама выйдет.

— Хорошая новость.

Разговор иссяк. Алан стоял возле кровати, она сидела, и оба делали вид, что вечерний отчёт о проглоченной бусине стоил его прихода.

— Ты вчера не зашёл, — напомнила Настя.

— Знаю.

— Почему?

— Не хотел снова поссориться.

— А сегодня хочешь?

— Сегодня я хочу к жене.

Он сказал это прямо и посмотрел так, что у неё перехватило дыхание. За последние годы в их браке стало меньше безумия, однако Настя помнила, каким мог быть его взгляд. Тяжёлым, жарким, обещающим ночь без сна. Сейчас в тёмных глазах тоже появился янтарь.

Надежда оказалась сильнее обиды. Настя знала, что нельзя верить одному взгляду после слов, сказанных три дня назад. Знала, что им нужно сначала поговорить и лишь после решать, способны ли они вернуться в общую спальню. Но Алан пришёл сам. Не с цветами, не с дорогим подарком и не с очередным извинением. Он хотел её. По крайней мере, Настя позволила себе так подумать.

— Иди сюда, — попросила она.

Алан сел рядом. Матрас прогнулся под его весом, бедро прижалось к её ноге. Несколько секунд он рассматривал Настю, а она боялась пошевелиться. Если потянется первой, вдруг снова увидит в его глазах раздражение? Если не потянется, он решит, что она его отвергает.

Муж избавил её от выбора. Обхватил ладонью затылок, наклонился и поцеловал.

Вначале осторожно, едва касаясь губ. Настя положила руку ему на грудь. Под тонкой тканью ровно билось сердце, от кожи шло знакомое тепло. Она приоткрыла рот, и поцелуй сразу стал глубже. Алан притянул её ближе. Ладонь скользнула по спине, остановилась на пояснице и крепко прижала мягкое тело к нему.

Настя выдохнула ему в губы и забралась пальцами во влажные волосы. Все приготовленные слова исчезли. Остались его рот, тяжесть руки на пояснице и запах, который она узнала бы среди тысячи мужчин. Тёплый, терпкий, с дымной горечью дракона.

Алан уложил её на кровать и навис сверху. Она ждала сомнений, заминки, попытки заставить себя продолжить. Он целовал её жадно. Спустился к шее, провёл губами по чувствительному месту под ухом, прикусил кожу. Настя выгнулась и почувствовала, как он прижался к её бедру.

Возбуждение было. Настоящее, крепкое. Облегчение едва не заставило её рассмеяться.

— Я скучала, — прошептала она.

Алан замер у её шеи всего на секунду.

— Я тоже.

Он развязал пояс халата. Под ним была тонкая ночная сорочка, которую Настя надела без всякой надежды ему показать. Алан потянул ткань вверх. Она приподнялась, помогая снять сорочку, и осталась перед ним обнажённой.

Три дня назад его взгляд заставил её стыдиться тела. Сейчас Настя тоже успела напрячься, но Алан наклонился и поцеловал грудь. Ладонь легла на вторую, пальцы сжались вокруг соска. Он помнил, как ей нравится: сначала мягко, почти дразня, после сильнее, с коротким укусом и горячим движением языка.

Настя застонала и обхватила его плечи. Под ладонями перекачивались мышцы. Рубашка мешала чувствовать кожу, и она нетерпеливо потянула её из брюк.

— Сними.

Алан выпрямился, расстегнул оставшиеся пуговицы и бросил рубашку на пол. Настя провела руками по широкой груди, по тёмным линиям защитной печати. Вчера Эля обновляла её после ужина. Знаки казались чуть ярче обычного и отдавали слабым теплом.

— Не больно? — спросила она.

— Нет.

— Эля сказала не обращаться до утра?

— Уже прошло больше суток.

В ответе мелькнула резкость. Настя убрала руку от печати, а Алан сразу поймал её запястье и прижал ладонь обратно к груди.

— Прости. Я не хочу говорить о ней.

— Я тоже.

Он поцеловал жену и повёл её руку вниз, к ремню. Она расстегнула пряжку, справилась с пуговицей и молнией. Его плоть была твёрдой. Настя обхватила её через бельё, провела ладонью от основания к головке и услышала хриплый вдох.

Алан закрыл глаза. На скулах проступили тёмные чешуйки. Дракон был рядом и тянулся к ней через человека. От этой близости зверя по телу Насти разлилось знакомое тепло. Она потянула мужа за пояс брюк.

— Сними всё.

Он поднялся с кровати. Брюки и бельё оказались рядом с рубашкой. Настя смотрела на него без стыда. Она знала каждую отметину, шрам на боку, тёмную полосу волос на животе, силу больших рук. Когда-то один вид обнажённого Алана пугал её. Он казался огромным рядом с ней, слишком сильным и требовательным. В первую ночь муж долго убеждал, что не причинит боли, хотя сам едва держал дракона.

Сейчас Алан опустил на колени между её ног. Развёл бёдра и провёл ладонями по внутренней стороне, заставив Настю забыть о старом страхе. Он наклонился и поцеловал ниже живота. Первый медленный мазок языка вырвал у неё стон.

Она закрыла глаза и запустила пальцы в его волосы. Алан ласкал без спешки, знал, где задержаться и когда усилить нажим. Настя двигалась навстречу, не пытаясь сдерживаться. В этой комнате за стеной никого не было. Дом казался пустым, а три ночи одиночества сделали каждое прикосновение острее.

Его язык кружил по набухшей чувствительной точке, губы обхватывали её, пальцы вошли внутрь. Настя судорожно вдохнула. Алан поднял глаза, и янтарь в них вспыхнул ярче. Он всегда любил смотреть на неё в такие минуты, видеть удовольствие и знать, что даёт его именно он.

— Алан...

Он не ответил. Движения пальцев стали быстрее, язык сильнее прижался к ней. Настя вцепилась в покрывало свободной рукой. Наслаждение поднималось горячими волнами, собиралось внизу живота и наконец разлилось по всему телу. Она громко вскрикнула, сжала бёдра возле его головы и задрожала.

Алан продолжал ласкать, пока дрожь не утихла. Поцеловал внутреннюю сторону бедра и поднялся. Настя притянула его к себе. На губах остался её вкус. От этого стало жарче.

Она перевернула мужа на спину и села рядом. Алан хотел снова потянуть её на себя, но Настя покачала головой.

— Теперь я.

Он смотрел, как она наклоняется к его животу. Его плоть тяжело лежала вдоль живота, твёрдая и горячая. Настя провела по ней ладонью, большим пальцем собрала влагу на головке. Алан напряг пресс и впился пальцами в простыню.

Настя коснулась языком чувствительного места, медленно обвела, потом взяла его в рот. Алан застонал и положил ладонь ей на затылок. Не давил, только собрал волосы, чтобы они не мешали. Она двигалась неспешно, помогая рукой там, куда не доставали губы, и чувствовала, как его тело откликается на каждое движение.

— Настя, — выдохнул он.

Ей нравилось слышать это. Нравилось, как теряется привычный контроль, как крепче становится ладонь на затылке, как тяжело поднимается грудь. Три дня назад она лежала под ним и пыталась понять, почему стала нежеланной. Сейчас Алан не мог отвести глаз.

Настя ускорила. Его бёдра подались навстречу, и она приготовилась довести ласку до конца. Алан остановил её. Подхватил под плечи, поднял и уложил рядом.

— Я хочу тебя.

— Так бери.

Она улыбалась, всё ещё не веря, что ужасная ночь осталась случайным провалом. Алан поцеловал её, прижался сверху. Его плоть скользнула по влажной коже между её ног. Настя обхватила мужа бёдрами и потянула ближе.

Дракон толкнулся к ней. Чешуя проступила на плечах Алана, глаза стали ярко-янтарными. Настя почувствовала знакомую волну жара, которая всегда появлялась перед их соединением. Зверь узнавал истинную. Хотел войти вместе с человеком, окружить её силой и запахом.

Алан устроился между её бёдер, взял себя рукой и коснулся входа. Настя подалась к нему, готовая принять.

Его тело дрогнуло, а дыхание сбилось. Он остановился у самого входа... и замер. Настя ещё не успела испугаться. Приподнялась, поцеловала его в подбородок и провела ладонями по спине.

— Не торопись.

Алан попробовал снова. Его плоть уже теряла твёрдость. Он сжал её сильнее, сделал несколько быстрых движений рукой, но тело не слушалось. Дракон метался совсем близко, янтарь заливал глаза, на груди и шее выступала чешуя. Человек тяжело дышал и не мог войти в жену.

Настя лежала под ним, всё ещё ощущая недавнее удовольствие. Несколько минут назад он ласкал её ртом, стонал от её губ и был полностью возбуждён. Отказ случился лишь тогда, когда они попытались соединиться.

— Алан, всё хорошо, — сказала она.

— Не говори так!

Он отстранился и сел на край кровати спиной к ней. Настя потянулась к мужу, но рука остановилась возле плеча. В прошлый раз сочувствие разозлило его. Сейчас она не знала, имеет ли право прикоснуться.

Надежда, с которой Настя пустила его в постель, умерла слишком быстро. Она успела поверить, что он пришёл потому, что соскучился. Что утреннее извинение и три дня молчания привели их обратно друг к другу. Алан действительно хотел её — пока дело не дошло до близости, которую они делили восемь лет.

Он наклонился, поднял бельё и натянул его. Движения были резкими. Настя села, прикрыла грудь краем сорочки и заставила себя не плакать.

— Нам нужно обратиться к врачу.

Алан застыл с брюками в руках. Несколько секунд он не двигался, словно вопрос застал его врасплох.

— Нет.

— Почему?

— Потому что со мной всё в порядке.

Ответ причинил боль сильнее, чем если бы он снова накричал. Настя медленно надела сорочку и опустила ткань на бёдра.

— Откуда ты знаешь?

Он отвернулся и начал одеваться. Рубашку застегнул не на те пуговицы, заметил, раздражённо расстегнул и принялся заново.

— Я знаю своё тело.

— Только что оно тебя не послушалось.

— Именно с тобой.

В комнате стало тихо. Алан тоже понял, что сказал. Руки остановились на рубашке, лицо искажилось.

— Настя, я не это имел в виду.

— А что?

Он молчал. Она смотрела на человека, с которым прожила восемь лет, и пыталась найти объяснение сама. Несколько минут назад его возбуждали её руки и рот. Он довёл её до удовольствия, был твёрдым, хотел продолжения. Всё исчезло перед проникновением.

— Пойдём вместе, — предложила Настя. — Не к нашим врачам, если тебе неловко. В Каменогорске есть хорошие специалисты. Никто не узнает. Это может быть связано с усталостью, стрессом, гормонами. С чем угодно. Мы хотя бы исключим обычные причины.

Она говорила спокойно. Не обвиняла, не жалела и не пыталась задеть его гордость. Алан слушал, но с каждой фразой закрывался сильнее.

— Я не пойду.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Не знаю.

— Сделать вид, что ничего не произошло?

— Я сказал, что не знаю!

Голос ударил по комнате. Настя вздрогнула. Алан провёл руками по лицу и отвернулся к окну.

— Прости. Я опять...

— Да. Опять.

Он обернулся. Настя сидела посреди смятой постели в тонкой сорочке. После ласк тело всё ещё хранило тепло, губы были припухшими от поцелуев. Ей хотелось укрыться до подбородка, но она не стала. Стыдиться следовало не ей.

— Я не считаю тебя больным или несостоятельным, — сказала она. — У тебя возникла проблема. У нас возникла. Я предлагаю решать её вместе.

— А если врач скажет, что проблемы нет?

— Тогда будем искать другую причину.

— Какую?

— Я не знаю. Но точно не найду её одна, пока ты отказываешься даже говорить.

Алан посмотрел на кровать. Настя увидела в его глазах стыд, злость и на вину, которой там быть не должно. Она вспомнила его резкий ответ, что с ним всё в порядке.

— Что произошло вчера после ритуала? — спросила она.

Он слишком быстро поднял глаза. Настя заметила испуг раньше, чем муж успел вернуть лицу обычное выражение.

— Ничего.

— Алан.

— Эля обновила печать. Мы поговорили, я ушёл к себе.

— О чём вы говорили?

— О нас.

Это задело неожиданно остро. Эльвира знала об их ссоре от Насти, поддержала её за ужином, после осталась наедине с Аланом и обсуждала их брак. Подруга имела право говорить о том, что Настя рассказала сама. И всё же внутри поднялась знакомая тревога.

— И что она сказала?

— Что нам нужно понять, почему всё изменилось.

Он снова не договорил. Настя видела это по напряжённому рту, по тому, как Алан избегал смотреть на неё. Давить дальше она не стала. После двух неудачных попыток удерживать его в спальне вопросами было унижительно.

— Хорошо. Иди.

— Я не хотел, чтобы так вышло.

— Я знаю.

— Настя...

— Пожалуйста, Алан. Мне нужно побыть одной.

Он постоял возле кровати, подобрал с пола ремень и вышел. Дверь закрылась тихо. Настя дождалась, когда шаги стихнут, и только тогда легла. Простыня пахла мужем, на коже остались следы его губ. Она натянула одеяло до плеч и заплакала.

В первый раз он сорвался и обвинил её. Во второй пришёл сам, подарил надежду и снова отнял. Теперь Настя знала: случайностью это не было.

Алан не дошёл до своей комнаты. У лестницы свернул в противоположную сторону, не желая оставаться в четырёх стенах.

Он спустился на первый этаж, вышел через боковую дверь и остановился на площадке перед домом. Ночь была холодной, горы чернели за огнями долины. Воздух пах хвоей и снегом с дальних вершин. Обычно нескольких глубоких вдохов хватало, чтобы успокоиться. Сегодня перед глазами оставалась Настя в смятой постели.

Он пришёл к ней, надеясь доказать, что первая неудача ничего не значила. Почти убедил себя. Хотел её, пока ласкал грудь и чувствовал пальцы в волосах. Стоял крепко, когда Настя взяла его в рот. Ещё немного — и он бы кончил от её губ.

Возбуждение исчезло перед тем, как он должен был войти. Никакой случайностью второй одинаковый провал уже не объяснить.

Алан сжал перила. Металл жалобно скрипнул, между пальцами проступил жар. Внутри метался дракон. Зверь царапал глухую перегородку, рвался обратно к Насе и заливал тело огнём. Только этот огонь больше не помогал человеку.

Тело отказывалось от жены и отзывалось на Эльвиру. Эта правда была мерзкой, однако забыть вчерашнюю реакцию он не мог.

Он ненавидел даже формулировку. Вчера Эля стояла рядом, касалась печати, и ему хватало её запаха. Никаких долгих ласк, обнажённого женского тела или губ. Одна ладонь на груди — и брюки стали тесны. С Настей возбуждение тоже появлялось, однако рассыпалось в самый важный момент.

К врачу он не пойдёт. Не потому, что боялся обследования или чужих насмешек. Врач проверит тело и, скорее всего, подтвердит то, что Алан уже знал: физически он здоров.

Проверить это можно было проще. Способ Алан уже знал, хотя не хотел называть его даже мысленно.

Мысль вызвала такую ярость, что он дёрнул руку от перил. На металле остались вмятины от пальцев. Алан отошёл к краю площадки, заставляя себя смотреть на долину.

Он не изменит Насе. Никогда. Даже предположение о другой женщине должно было исчезнуть после первого появления. Настя была женой, истинной, человеком, которого он выбрал вопреки всему роду. Тогда Алан не позволил старшим решать, кого ему вести к церемониальному кругу. Сейчас тем более не позволит мороку, страху или мужской гордости разрушить их брак.

Мороку? Слово возникло само, и он сразу попытался отбросить подозрение. Эльвира уверяла, что чужого вмешательства нет. Он доверял ей защиту с тех лет, когда рядом находилась Ираида. Эля не стала бы лгать ему, подвергая опасности весь род. Вчера она защищала Настю перед старшими и остановила ужин, когда супруги начали ссориться. Подозревать её в воздействии было бессмысленно. Она лишь назвала возможное объяснение. Связь могли распознать неправильно.

Дракон ударился о перегородку так сильно, что Алан согнулся. По позвоночнику прошла волна жара. Рубашка натянулась на спине, под кожей проступили основания крыльев. Он удержал обращение и прижал ладонь к груди.

— Успокойся.

Зверь ответил глухим рыком. Алан ощущал его ярость, но не понимал причины. Дракон хотел вернуться наверх. Скреб когтями преграду и тянулся туда, где осталась Настя. Если связь

ошибочна, почему зверь так отчаянно требовал истинную? Если она настоящая, почему человек не мог завершить близость?

Вчера Эля предложила не принимать решений. Алан и не собирался. Ему требовались ответы.

Он вернулся в дом и поднялся в кабинет. На столе лежали документы, телефон мигал пропущенным звонком Тимура. Алан сел, открыл переписку с Эльвирой и долго смотрел на короткие деловые сообщения.

Можно спросить, какие ошибки распознавания ей известны. Потребовать ещё одну проверку связи. Узнать, способно ли возбуждение существовать отдельно от истинности. Для такого разговора не требовалось встречаться ночью. Он мог написать сейчас и назначить время утром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.